

Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

29 MAR 40 Газета №

Москва

Молодое племя

Ленинградскому Новому театру в этих пяти годах исполнилось пять лет, но его коротенькая биография своеобразна и весьма поучительна. Она поучительна прежде всего как пример последовательного роста и формирования театрального организма в напряженной борьбе за свой репертуар, за своего драматурга, за разнообразный и вместе с тем единомыслящий актерский ансамбль.

Вообще говоря, принято думать, что так называемая «специфика» детского театра ограничивает творческие возможности режиссеров и актеров. Опыт Нового тюза доказывает, что все это сущая ересь, что, работая в театре для детей, можно добиваться самых интересных творческих результатов и что детская аудитория требует от театра лишь одного — подлинного мастерства.

Будущий руководитель Нового тюза Б. В. Зон начал режиссерскую деятельность в недрах Ленинградского тюза, старейшины тюзовского движения. Свыше пятнадцати лет тому назад, на непривычной сцене тюза, на открытой с трех сторон площадке, расположенной перед крупным, высоким амфитеатром, он поставил свой первый самостоятельный спектакль — «Похождения Тома Сойера». Спектакль этот и поныне живет своей веселой и трогательной жизнью на сцене тюза.

Немного спектаклям выпадает жизнь столь долгая, как этому, поставленному режиссером на самой заре своей театральной жизни, с группой «зеленых» еще актрис и актеров, веселому, театральному, солнечному, как сама повесть Твена. Много лет Зон стремился эту праздничную театральность «Тома Сойера» сделать своей режиссерской программой. Многие ему в этом смысле вполне удавались. Таковой удачей была постановка «Дон-Кихота» с Н. К. Черкасовым — Дон-Кихотом и Б. П. Чирковым — Санчо-Пансо.

Но Зон постепенно должен был прийти к мысли о «непрочности» и неполноте этого внешне блестящего, нарядного, но плоского, двухмерного искусства. Режиссера влекло к себе «третье измерение» — глубина человеческого сознания. Он начал искать правду актерского творчества, и великое имя Станиславского на долгий период сделалось для него основой, существом и программой всех его творческих усилий.

Если бы Зон стал лишь ортодоксальным пропагандистом системы и почил на лаврах отличного педагога, воспитавшего не одно поколение тюзовских актеров, с ним могла случиться большая беда. Он мог бы «преодолеть» самого себя, как у нас любят выражаться, до такой степени, что от него самого ничего не осталось бы. К счастью, Зон остался самим собой и не переставал напоминать своим ученикам, что он продолжает учиться, что учиться он намерен долго и что вместе с ним обязаны учиться и все его актеры от старших до самых молодых. С этой поры совместного учения учителя и учеников начинается история Нового тюза, выделившегося в 1935 году из состава Ленинградского тюза в самостоятельный театр.

У нас принято очень много говорить о борьбе за ансамбль, которая ведется Зоном в стенах этого театра. Надо сказать, что практически Зон утверждает на сцене Нового тюза не только актерский ансамбль. Последовательно и настойчиво он добивается подлинного и постоянного содружества всех авторов спектакля. С Новым тюзом связали свою творческую работу драматурги Евг. Шварц («Красная шапочка», «Брат и сестра», «Снежная королева»), А. Я. Бруштейн (совместно с которой Зон выступал как драматург и пьесы которой ставил неоднократно еще на сцене Тюза), Л. С. Любашевский, Д. Дэль, актер Нового тюза, автор «Музыканской команды», «Третьей звезды», «У лукоморья», «Болшеви́ка». Постоянство проявляет Зон и по отношению к художникам — его неизменными соавторами являются М. А. Григорьев, с которым Зон впервые встретился, ставя «Тома Сойера», и Е. П. Якунина. Наконец, режиссерские кадры Нового тюза формируются Зоном с подлинной принципиальностью. Его долготельные сотрудники и помощники по режиссуре и педагогической работе — Т. Г. Сошникова и В. П. Чесноков в последние годы стали выступать как самостоятельные постановщики.

Первым спектаклем Нового тюза была постановка сказки А. Н. Островского «Снегурочка». Работа эта была не свободна от существенных недостатков, которые объяснялись не только молодостью исполнителей, но и спорностью самого толкования сказки Островского. Но в работе над «Сне-

гурочкой» Зон выступал как педагог прежде всего и отказался от ряда присвоенных ему как режиссеру прав истолкования пьесы. Больше того, связанный своими педагогическими задачами, он попытался примирить сказку, веселое и беспокойное ее цветение, играющие и теплые ее краски с несколько постной миной ограниченной и прямолинейно понимаемой «театральной правды». Это не удалось. И Магичь, и царь Берендей, и Лель, и Весна, не говоря уж о самой Снегурочке, требовали иного режиссерского толкования, иной правды, правды живого воображения, правды поэтического вымысла.

Спустя несколько лет после постановки «Снегурочки» театр сделал попытку сценически интерпретировать три стихотворных пушкинских сказки — «Сказку о царе Салтане», «Сказку о мертвой царевне» и «Сказку о попе и работнике его Балде», не изменив при этом и не выкинув из них ни единого слова. Задача была трудная и на первый взгляд неразрешимая. Но именно потому, что театр захотел быть до конца принципиальным в ее решении, его вознаградила настоящий, серьезный успех.

Пушкинские сказки были поставлены на сцене Нового тюза смелым и неожиданным режиссерским приемом. Пушкинское, умное, насмешливое и взволнованное повествование сохранило свою эпическую форму, но персонажи сказок сами взяли на себя труд рассказа, самым неожиданным образом отзываясь о себе в третьем лице. Уже одно это придало спектаклю веселый, озорной, иронический характер, сделало ощутимой и сценически ясной пушкинскую интонацию и, главное, узаконило театральную условность всего представления.

Пьеса А. Бруштейн «Голубое и розовое», «Музыканская команда» Д. Дэля, «Брат и сестра» Е. Шварца знаменуют многообразие поисков своего театрального языка, поисков, которыми был занят тюз еще на первых порах самостоятельного творчества. Трудности, возникавшие перед коллективом, подчас были совсем неожиданны, но театр не избегал их и добивался успеха. В работе над «Музыканской командой» актерам театра пришлось стать заправскими «духовниками» — на сцене стройно и вполне музыкально гремел духовой оркестр, в «Сказках Пушкина» тюзовцы стали гуслирами, в «Красной шапочке» — кукольниками.

В режиссерской своей работе Б. Зон не перестает быть педагогом. На сцене Нового тюза выросло младшее поколение его учеников — Красинькова, Тимофеева, Деливрон, Замятина, Кадочников, Шостак. Рядом и вместе со своими старшими товарищами — Блиновым, Колесовым, Емельяновым, Бекл, Волковой, Уваровой — они несут на себе всю тяжесть разнохарактерного, многопланового репертуара. Актеры Нового тюза растут в напряженном и постоянном труде, они не знают «вынужденных простоя», они заняты, они всегда нужны. Это сознание дает актерам силу, энергию, инициативу, учит их быть самостоятельными, закаляет их. Зон приучает своих учеников быть требовательными к драматургии в самом процессе репетиционной работы над текстом. Забота о выразительности, полноте и точности каждого слова бесконечно импонирует актерам, и слово, родившееся в результате напряженных коллективных усилий, вызывает к себе особенное уважение — такое слово не скомаешь, не заменишь другим, случайным, не позабудешь. Забота эта импонирует не только актерам, но и самим драматургам. Для многих из них непосредственное содружество с театром стало насущной творческой потребностью.

Коллектив Нового тюза очень молод не только по возрасту. Он молод, ибо большие творческие успехи, опыт пятилетней самостоятельной работы не отяжелили его и не успокоили. Театр, его руководители, его актеры хотят большего, гораздо большего, чем то, что они уже сделали. Театр умеет дружить с драматургами, требовать от них, быть строгим к самому себе. На крохотной площадке, взамен которой теперь он получил неплохую сцену, театр не побоялся поставить пушкинского «Бориса». Теперь он хочет встретиться с Шекспиром, ищет дружбы с Островским. Он, однако, не порывает связи со своими постоянными авторами, продолжает высказывать явное пристрастие к умной и насмешливой сказке Е. Шварца. Сила и широта творческих желаний, жадное и неустанный стремление делать, делать и делать — это ли не есть подлинная, счастливая и плодотворная молодость в искусстве!

С. ЦИМБАЛ